

АНАЛОГИЯ И МЕТАФОРА

1. Метафора

1.1. Образ. Слово. Метафора

Достаточно традиционным является понимание образа как медиатора вербальных ассоциаций: слово-стимул – картинная галерея образов – слово-ассоциант. Не отказываясь от возможности такой интерпретации, мы в дальнейшем будем говорить об образе как о первой фазе осознания языкового материала. Согласно А. Потебне, между общностью образа до слова и отвлеченностью мысли, достигаемой посредством языка, – огромное расстояние, уже само по себе слово является поэтическим произведением. На вопрос, можно ли думать без слов, от большинства людей мы, вероятно, получим ответ: «Да, но это нелегкое дело; и все-таки это возможно». Объединенный в слове образ возбуждает стремление обойти весь круг сродных явлений (слово объединяет известную группу восприятий). Таким образом, слова представляют собой феномен вторичного осознания языкового материала.

Мы будем в дальнейшем исходить из того, что метафора должна быть отнесена к еще более высокому уровню организации, условно – третичному.

1.2. Метафора и семантическое поле слова

Метафора – процесс, с помощью которого одна сущность или состояние описываются в терминах, которые изначально были предназначены для описания других вещей. Метафора – смена знаков, различных по значению, но употребляемых в одинаковых синтаксических контекстах. Примеры метафор: «седая зима», «по коре серебристой покатались слезы», «дни бегут», «горький смех», «робкий луч солнца», «юный лес, в зеленый дым одетый, теплых гроз нетерпеливо ждет», «бумажные деньги».

«Метафора порождает драматические столкновения между семантическими полями слов», – это человеческое восприятие происходящего, а вот если бы мы попросили машину дать свою формулировку метафоры? Ответ, вполне возможно, был бы следующим: «Метафора – это сбой в парадигматическом ряду, приведший к появлению новой синтагмы (нового коммуникативного фрагмента)». Машина может построить новую метафору – для этого достаточно сдвинуть на одну – две строчки столбик парадигматического ряда (в другом контексте – изменить область действия данного понятия), но машина не способна отличить гениальное стихотворение от посредственного. В данном контексте мы наталкиваемся на проблему эвристически значимой классификации ме-

тафор. Некоторую зацепку для движения в этом направлении может дать анализ и сравнение отношений (в том числе объемных) присутствующего и отсутствующего членов парадигматического ряда с общим для них референтом.

1.3. Категории форма и значение относительно метафоры

Форма языковой единицы определяется как способность этой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. *Значение* языковой единицы – способность этой единицы быть составной частью единицы более высокого уровня.

Существует точка зрения, согласно которой дискурсивным соответствием тропу служит не отдельное слово, а предложение. При этом структура метафоры понимается как пересечение, синекдоха – подчинение, метонимия – соподчинение. Например, «смертные» – синекдоха, которая по смыслу равнозначна предложению «Все люди смертны». Предложение содержит знаки, но само не является знаком. Число предложений, а, следовательно, и число метафор, бесконечно. Число фонем, морфем, слов конечно. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в мир языка как средства общения, выражением которого является речь. Предложение – единица речи. Отсюда, метафора воспринимается как метафора только в определенном контексте и это делает ее скорее объектом анализа прагматики, а не семантики.

В то же время Ч. Пирс относил метафору к иконическим знакам. Противоречие снимается, если допустить, что наряду с метафорами-предложениями (контекстно зависимыми), существуют метафоры-знаки (универсальные, афористические).

1.4. Построение метафоры с точки зрения произвольности – мотивированности

Слова и элементы, раз только они поставлены в каком-то порядке, порождают новые смыслы и оттенки смыслов – это проявление метафоричности языка в широком смысле слова. Даже одно слово – перекресток смыслов. Метафора – пересечение семантических полей как минимум двух слов.

Другая сторона проблемы: метафора и контекст, сопротивляемость контексту. Различается ли степень свободы при построении метафоры (парадигматика) и метонимии (синтагматика)? Построение метафоры – акт в гораздо большей степени произвольный, нежели продолжение или обрыв синтагматической цепочки. Члены, составляющие парадигматическую группу, не даны в сознании ни в определенном количестве, ни в определенном порядке. В качестве иллюстрации достаточно сослаться на упражнение по подбору парафразы. Парафраза – внутриязыковой

перевод, парадигматическое измерение языка. Подбор парафразы требует очевидного интеллектуального усилия, не сравнимого с горизонтальным удлинением текста.

1.5. Метафора и рифма

На звуковом уровне, т.е. на уровне означающих, совокупность рифм образует ассоциативную сферу; существуют, следовательно, рифменные парадигмы; а это значит, что по отношению к этим парадигмам рифмованное высказывание представляет собой фрагмент системы (парадигмы), превращенной в синтагму. В целом рифма представляет собой нарушение дистанции между синтагмой и системой: в ее основе сознательно достигаемое напряжение между принципом сходства и принципом различия, рифма – это своего рода структурный скандал. В этом смысле можно сказать, что с нарушением нормы связана вся риторика. Если вспомнить разграничение, предложенной Якобсоном, то легко понять, что всякая метафорическая последовательность представляет парадигму, превращенную в синтагму, а всякая метонимия – застывшую и поглощенную системой синтагму. В метафоре селекция становится смежностью, в метонимии смежность становится полем селекции. Творческий акт всегда происходит на границе между двумя этими планами.

1.6. Подходы к анализу структуры метафоры

В зависимости от способа реализации принципа сравнения можно выделить три типа метафоры:

- 1) описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом – метафора сравнения («колоннада роши»);
- 2) описываемый объект замещен другим объектом – метафора загадки («били копыта по клавишам мерзлым»);
- 3) описываемому объекту приписываются свойства другого объекта («ядовитый взгляд», «жизнь сгорела»).

Универсальные тенденции в области метафорического переноса:

а) закон Шпеербера – если в данное время какой-либо комплекс идей имеет большое значение в жизни данного общества, и одно слово из этого круга идей изменило значение, то и другие слова того же семантического поля следуют за этим словом;

б) антропоцентризм (туда – «ручка двери» и обратно – «глазное яблоко»);

в) переход от конкретного к абстрактному;

г) синестезия.

Заслуживает внимания анализ метафоры с точки зрения структуры речевого акта: адресант, сообщение, адресат, контекст, код, контакт = физический контакт.

1.7. Выводы

Способность строить и опознавать метафору отражает высокий уровень осознания языкового материала.

По своей сути метафора представляет сдвиг в парадигматическом ряду, в поэтической формулировке – структурный скандал. Как легко проверить, все вышеуказанные типы метафор соответствуют этому критерию.

Метафора-знак является частью языка как системы знаков, в то время как метафора-предложение (единица речи) может содержать знаки, но сама по себе не является знаком.

Построение метафоры – акт в гораздо большей степени произвольный, чем продолжение или обрыв синтагматической цепочки.

2. Аналогия

2.1. Логические модели и аналогия

Какова роль аналогии в процессе получения нового знания? Прежде всего, аналогия – заключение от частного к частному. Отсюда, с одной стороны, невысокая надежность результатов, но, с другой, возможность применять этот тип умозаключения к очень широкому спектру проблем. Мы применяем аналогии, как правило, к инфинитным объектам, либо в случае недостаточной информации об исследуемом объекте, например: расширяющаяся Вселенная – «изюм в тесте». Аналогия – способ упорядочивания чужого, хаоса; способ, дающий часто лишь вероятностные, часто сомнительные результаты, но есть ли другой в подобных обстоятельствах?

Общая характеристика аналогии: одна модель применяется к разным областям опыта – инфинитным ситуациям. Аналогия работает постольку, поскольку мир структурирован. Логическое моделирование: одна модель применяется к разным артефактам – финитным ситуациям. Первый признак логической связи – мы сами задаем правила, по которым взаимодействуют объекты; логическая связь – связь на семантико-синтаксическом уровне.

2.2. Структура аналогии

Тема – совокупность членов А и Б, на которых держится заключение.

Фора – совокупность членов В и Г, служащих для подкрепления заключения.

Асимметрия приводит к возвышению либо принижению членов темы: «Избрание герцога Савойского кончилось ничем, разве что упомянутый был умиротворен кардинальской шапочкой, как лающий пес куском хлеба».

Для того, чтобы состоялась аналогия, тема и фора должны принадлежать к различным предметным областям – если оба сопоставляемых отношения могут быть классифицированы в рамках одной общей структуры, аналогия уступает место рассуждению с помощью примера или иллюстрации. Здесь напрашивается параллель между аналогией и примером с одной стороны, и между метафорой и согласованным однозначным словосочетанием с другой.

Аналогия сродни метафоре по размытости символов и объектов, которым эти символы соответствуют. Логические модели, наоборот, с метафорами борются. Все порождаемые в тексте словообразовательные единицы строятся по законам аналогии. Они или воплощают в действие какие-либо активные модели языка, или реализуют в новом материале имеющиеся в языке «конкретные образцы».

3. Сравнение

3.1. Синонимия и омонимия

Язык представляет собой модель структуры отношения в самом буквальном и в то же время в самом широком смысле. Он осуществляет переносы наименований по аналогии, и это мощный фактор порождения новых смысловых оттенков. Если метафора в широком смысле – это пересечение нескольких контуров высказываний или цепь аналогий, то аналогия есть, в сущности, не что иное, как способность варьировать образы, сочетать, сводить часть одной из них с частью другой, и, вольно или невольно, обнаруживать связь их и структуру (т.е. искать общий контур высказывания).

Поиски языкового выражения при номинации осуществляются одновременно в двух направлениях: в синонимическом ряду – язык с точки зрения действительности, в омонимическом – действительность с точки зрения данной лексической системы. Наименование, в пользу которого говорящий склонится при номинационном акте, лежит на точке пересечения обоих рядов.

Тот факт, что поэзия связана с синонимией, а мифология с омонимией, объясняет ассиметричную роль аналогии в этих знаковых системах. Принципиальная монолингвистичность мифа определяет несовместимость аналогии как фигуры мысли с мифологическим повествованием.

3.2. Аналогия, метафора и рифма

Рифма как скрытая, разорванная и ослабленная метафора. В процессе любой интерпретации мы устанавливаем связи, и именно свобода установления этих связей, возникающая благодаря отсутствию эксплицитно выраженных промежуточных шагов, является основным источником воздействия поэзии (ср. смелая гипотеза, индукция).

Общее между рифмующимися словами и определением в логике – в сопоставлении, но цели разные: в логике – максимальное совпадение dfd и dfn ; в поэзии – поиск новых смыслов. Каково место аналогии относительно этих полюсов? Уместна ли следующая пропорция?

Аналогия = Метафора

Понятие Слово

Можно говорить о сходстве гипотетичности метафор и открытости, неопределенности терминов, особенно в период их введения, но если понятие – это то, для чего всегда можно потребовать точного определения, значит, понятие не является единицей аналогии. В лучшем случае аналогия использует в качестве исходного материала «неготовое понятие».

Другая сторона этой проблемы – окостеневшая овеществленная метафора как подтвержденная аналогия.

3.3. Метафора и понятие

Семиотическое (знак) должно быть узно, семантическое (речь) должно быть понято. Различие между узнаванием и пониманием связано с двумя отдельными свойствами разума: способностью воспринимать тождество предыдущего и настоящего и способностью воспринимать значение какого-либо нового высказывания. Язык – единственная система, где означивание протекает в двух измерениях (семиотическом и семантическом). В других системах означивание одномерно: оно имеет либо семиотический характер (жесты вежливости) без семантики; либо семантический (художественные способы выражения), без семиотики. Привилегированное положение языка заключается в его свойстве осуществлять одновременно и означивание знаков и означивание высказывания. Отсюда – способность создавать второй уровень высказывания, когда становится возможным высказать нечто означивающее о самом означивании. В этой метаязыковой способности и лежит источник отношения интерпретирования.

Хорошо известно, что вид коммуникации, используемый пчелами, – это не язык, а сигнальный код. Отсюда все его свойства: постоянство содержания, неизменяемость сообщения, отнесенность к одной единственной ситуации, неразложимость сообщения и т.д. Но и человеческий язык как открытая система по своей мощности не может быть сопоставим с реальностью (нестрогая параллель: мощность счетного множества и мощность континуум). Мир опыта должен быть чрезвычайно упрощен и обобщен, чтобы возможно было символизировать его, только так становится возможной коммуникация, ибо единичный опыт живет в единичном сознании и, строго говоря, не сообщаем.

В данном контексте метафору и понятие можно рассматривать как некие идеальные типы, наиболее ярко воплощающие идеи двух проти-

воположно направленных процессов. С точки зрения естественного языка, слово – живой пластичный элемент открытой системы. С точки зрения логики, слово – материал для построения понятия (логической модели с единственным значением и заданной областью применения). Своеобразие аналогии как фигуры мышления определяется переходным характером того материала, из которого она построена: не метафора и не понятие, нечто среднее.

3.4. Мысль – слово

В живой драме речевого мышления движение идет от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах. Мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые; тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не может быть изменена по произволу говорящего. «Понятие “боль” вы узнали, когда выучили язык», – Л. Витгенштейн. Мышление стремится устанавливать категории универсальные, языковые же категории всегда являются категориями отдельного языка.

Всякая мысль стремится соединять что-то с чем-то. Мысль совершается в слове. Если я обращаюсь к Вам, и вы меня поняли, значит, этих моих слов больше не существует. Если вы поняли, значит, мои слова исчезли из вашего сознания, где их заменил некий эквивалент – какие-то образы, отношения, возбудители; и вы найдете в себе теперь все необходимое, чтобы выразить и эти понятия, и эти образы на языке, который может значительно отличаться от того, какому вы сами внимали. Все развитие значений слов сводилось исключительно к изменению ассоциативных связей между отдельными словами и отдельными предметами.

3.4.1. Умственные образы?

В основе постижения всякой вещи лежит возможность ее образного представления. На этом последнем и основана мыслимость бесконечного ряда уподоблений (всякая вещь выступает то как «означающее», то как «означаемое»), а, следовательно, бесконечных связей вещей и, с другой стороны, универсальности разума: понимание есть, в сущности, не что иное, как уподобление. То, что ни на что не похоже, тем самым непостижимо. Утратить образ, значит, утратить смысл. Ограничиться образом, значит, утонуть во множественности.

Предыдущее рассуждение весьма тривиально и касалось классических правополушарных образов, в то время как чрезвычайно мало изучены феномены умственных образов. В числе законов, управляющих этими феноменами, есть законы основополагающего значения и необычайно широкого охвата. Трансформация образов, ограничения, которым

эти образы подвергаются, стихийная выработка ответных образов и образов дополнительных позволяют нам проникать в самые различные миры – такие, как мир сна, мир мистического состояния и мир суждений по аналогии.

3.5. Образ – слово

Даже если слово утратило свой образ, то в предшествующем значении оно всегда имело его и, следовательно, ни одно слово не возникает случайно, нигде связь между смыслом и звуком не является произвольной, и всегда она коренится в сближении двух сходных явлений, которое легко заметить в происхождении таких слов, как «голубой», «воронной». Новое слово в данном случае означает связь, устанавливаемую между одним предметом и другим, и такая связь, данная в опыте, оказывается всегда налицо в происхождении решительно каждого слова.

Показать, как происходит этот процесс умирания образа, – значит, показать, каким образом из первоначальной стадии языка, только для его создателей, слово переходит в общенародный язык. Умирание образа происходит оттого, что слово употребляется в гораздо более широких связях, чем те, которые послужили причиной его возникновения – «красные чернила». Всякие процессы понимания психологически означают *связь*.

3.6. Аналогия и ассоциация

Человеческий ум не может быть бессвязным для себя самого, но позволяет ли это говорить об универсальности аналогии? Рассмотрим эту проблему на следующем примере. Известно, что фонетические изменения являются деструктивным фактором в жизни языка, но к счастью, действие этих изменений уравнивается фактором аналогии. Аналогия здесь выступает как явление грамматического порядка: она предполагает осознание и понимание отношения, связывающего формы между собой. Всякому новообразованию должно предшествовать бессознательное сравнение данных, хранящихся в сокровищнице языка, где производящие формы упорядочены согласно своим синтагматическим и ассоциативным отношениям. Новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно – случайное творчество отдельного лица. Сохранение данной формы может объясняться двумя прямо противоположными причинами: полнейшей изоляцией (собственные имена – Париж) или же принадлежностью к определенной системе, неприкосновенной в своих основных частях и постоянно приходящих ей на помощь. Преобразующее действие аналогии может развиваться наиболее успешно в той промежуточной области, которая охватывает формы, не имеющие достаточной опоры в ассоциативных связях.

Можно ли сказать, что в основе любой ассоциативной цепочки лежит что-то общее, какая-то аналогия? Положительный ответ на этот вопрос лишает термин «аналогия» минимально допустимого уровня корректности. Остановимся на такой формулировке: в то время как языковые связи между лексическими единицами являются синтактико-логическими, психической жизни свойственен переход от единицы к единице путем ассоциации. Еще одна возможная интерпретация – в отличие от письменной речи, которая по преимуществу строится в соответствии с логическим движением мысли, устная речь нередко разворачивается путем ассоциативных присоединений.

3.7. Язык – мысль – мир

Если метафора пронизывает весь естественный язык, то аналогия как тип умозаключения есть результат давления естественно языковой структуры на логическую теорию. Либо аналогия как универсальный тип умозаключения определяет метафорический характер языка. Что первично, аналогия или метафора?

Стоит согласиться с мыслью Поля Валери о том, что мир беспорядочно усеян упорядоченными формами. Аналогия – один из способов, не самый надежный, но может быть самый распространенный, упорядочить хаос (беспорядочно рассеянные формы). Если бы все было упорядочено или же, наоборот, беспорядочно – мысли не стало бы, ибо мысль есть не что иное, как попытка перейти от беспорядка к порядку; ей необходимы случаи первого и образцы второго. Изменения, которые происходят в языке в процессе упорядочивания мира, носят безусловно вторичный характер. Со всей очевидностью в этом можно убедиться, если проанализировать связи между системами языка и мышления с одной стороны и миром культуры, «второй природой» с другой. Человеческая мысль генерирует изменения, происходящие в мире артефактов и обратно – разорвать эти процессы невозможно даже в порядке мысленного эксперимента, тогда как динамика культуры резко превосходит динамику языка – язык, как правило, описывает прошлый опыт (см. выше о роли метафоры в преодолении этого разрыва).

Если связь мышления с реальностью более фундаментальна, чем связь между языком и реальностью, то именно наша способность проводить аналогии определяет метафорический характер языка. Соединение двух случайно выбранных слов естественного языка дает три основных варианта:

- а) потенциальное пересечение смысловых полей в результате сдвига в парадигматическом ряду – «нервная колбаса»;
- б) актуальное пересечение семантических полей – «зеленое яблоко»;
- в) отсутствие общих признаков – «кирпичный заяц».

В первых двух случаях легко проявляется метафорический гений языка. В случае (а) мы имеем дело с классической метафорой первого порядка (= «такса»). Случай (б) потребует некоторых навыков работы с семантическими полями, поскольку требуется одновременный сдвиг в двух парадигматических рядах, например: (б) = «молодежное объединение партии «Яблоко». А вот те проблемы, которые мы испытаем, попытавшись дать метафорическую интерпретацию третьего словосочетания, безуспешные попытки нащупать какую бы то ни было опору, самим направлением поисков явственно укажут на общую для любой метафоры базу – аналогию.

В действительности, ассоциативный характер нашего мышления исключает возможность появления в речи (в тексте) третьего варианта, так что остаются первые два, в которых фактор сходства (наличия общих признаков) самоочевиден.

4. Итоги

Аналогия как фигура мысли определяет метафорический характер естественного языка. С этим выводом согласуются данные о произвольности акта построения метафоры, о необходимости высокого уровня осознания языкового материала как условия успешного применения метафорического переноса и т.д.

Если научная теория использует в качестве основного строительного материала понятие (= «термин, для которого всегда уместно потребовать определение»), то поэтический язык неразрывно связан с метафорой и другими фигурами речи (= «структурными скандалами»). В этом контексте проясняется в чем-то центральная роль аналогии, использующей в качестве исходного материала слово естественного языка. Ведь, в зависимости от подхода, слово – это и «неготовое понятие» и «неготовая метафора». Присутствие метафор в языке науки («математическое ожидание», «память машины», «поле сил») кажется необъяснимым до тех пор, пока мы не включим в общую картину медиатор – аналогию. На базе аналогии работает и тот механизм, который позволяет метафорическому гению языка перекидывать мост через пропасть между конкретными и абстрактными значениями.

Опираясь на «метафорический гений языка», приспособляя старые слова к выполнению новых функций, мы получаем огромную экономию лексических средств языка. Это хорошо известная и никем не оспариваемая мысль. Но часто ли нам приходилось сталкиваться с размышлениями о том, какую роль играет аналогия в экономии мыслительных конструкций?